

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УДК 340

doi: 10.35750/2071-8284-2021-4-10-17

Виталий Витальевич Балахонский

доктор философских наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, Balakhonsky@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Сергей Михайлович Марков

кандидат философских наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-3634-154X>, ser_mark@mail.ru

Дальневосточный институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции России (РПА Минюста России),

Российская Федерация, 680065, Хабаровск, ул. Воровского, д. 24 А

Денотация и коннотация как логический приём в юридической технике

Аннотация: В статье рассматривается специфика юридической техники в виде формулирования правовой дефиниции. Проводится сравнительный анализ подходов к пониманию процедуры определения в юриспруденции, философии, логике, математике и филологии.

Актуальность исследуемой темы состоит в отсутствии в современной юридической технике общепринятых подходов к пониманию методологической специфики осуществления процедуры дефиниции. Целью данной статьи является выяснение методологических основ дифференциации аксиоматических и контекстуальных определений, осуществление критического анализа представленных в современной научной литературе классификаций видов дефиниций.

Обоснованием предложенной авторами концепции дефиниции служит аналитическое исследование логико-лингвистической операции определения на примере дефиниции «коррупция» из Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Показывается недостаточность часто встречающейся в юридической литературе практики отождествления коррупции со взяткой, приводится критика подобного определения, как слишком узкого.

Практическая значимость статьи состоит в том, что в ней вырабатываются концептуальные подходы к определению коррупции, учитывающие международный опыт законодательной антикор-

рупционной деятельности. Коррупция квалифицируется как преступное социально-правовое деяние, обусловленное природой должностных преступлений, находящихся в конфликте с интересами общества и государства, сутью которых выступает явный корыстный мотив в личном обогащении (материальном и нематериальном) за счёт использования своего служебного положения (полномочий) в корыстных целях.

Проведённое исследование базируется на методологическом инструментарии системного, структурно-функционального и сравнительно-аналитического методов познания.

Ключевые слова: юридическая дефиниция, коррупция, антикоррупционная деятельность, взятка, должностное лицо, денотация, коннотация

Для цитирования: Балахонский В. В., Марков С. М. Денотация и коннотация как логический приём в юридической технике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4 (92). – С. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2021-4-10-17.

Vitaly V. Balakhonsky

Dr. Sci. (Philos.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-3098-2802>, Balakhonsky@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Sergei M. Markov

Cand. Sci. (Philos.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-3634-154X>, ser_mark@mail.ru

Far Eastern Institute (branch) of All-Russian State

University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

24a, Vorovskogo str., Khabarovsk, 680065, Russian Federation

The denotation and the connotation as a logic method in legal technique

Abstract: The article discusses the specifics of legal techniques in the formulation of legal definition. A comparative analysis of approaches to understanding the definition procedure in jurisprudence, philosophy, logic, mathematics and philology is carried out.

The relevance of the topic under study lies in the absence in modern legal technology of generally accepted approaches to understanding the methodological specificity of the implementation of the definition procedure. The purpose of this article is to determine the methodological foundations of differentiation of axiomatic and contextual definitions, the implementation of the critical analysis of the classifications of types of definitions in the modern scientific literature.

The basis of the concept of definition proposed by the authors is the analytical study of the logical-linguistic operation of determination on the example of the definition of «corruption» from the Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ.

There is a lack of legal recognition of corruption as a bribe, and criticism of the narrow definition.

Corruption is defined as a criminal act of a social and legal nature, which is constrained by the nature of official crimes in conflict with the interests of society and the State, the essence of which is an obvious mercenary motive in personal enrichment (material and non-material) through the use of his official position (authority) for mercenary purposes.

The study is based on the methodological tools of systemic, structural-functional and comparative cognition methods.

Keywords: the legal definition, corruption, anti-corruption activities, bribe, official, denotation, connotation

For citation: Balakhonsky V. V., Markov S. M. The denotation and the connotation as a logic method in legal technique // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 4 (92). – P. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2021-4-10-17.

Введение

Правовая дефиниция относится к юридической технике (Т. В. Кашенина, Д. С. Дудырин, А. А. Арямов, Е. О. Ружева, В. Ю. Туранин, Т. В. Хайретдинова и др.) [1, с. 83]. Как правило, процедуру определения юристы и филологи (Е. И. Безрукова, Н. А. Аблова, Н. Ю. Зайцева, А. М. Зарва) называют «дефинированием», в логике – краткая логико-лингвистическая процедура раскрытия содержания какого-либо термина (понятия) через выделение качественных (существенных) родовидовых его признаков. Подчеркнём, в логике дефиниция – логическая операция, в краткой форме раскрывающая содержание понятия [2, с. 9].

В греческом языке термин «определение» именуется **хоросом**: в буквальном переводе на русский язык – «пограничный столб». В латинском языке этот же термин определяется как «граница». И действительно, с помощью дефиниций мы устанавливаем границы употребления терминов. Особенно это характерно для юридической техники, которая раскрывает правила и приёмы дефиниций юридических терминов в законодательской и правовой деятельности. Например, в ст. 14 УК РФ «преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания». Иными словами, преступление – это запрещённое данным Кодексом общественно опасное деяние.

Наиболее простой способ определения – выделение специфического признака путём обыкновенного подбора слов и дальнейшего указания на предмет, которому они соответствуют или которое они обозначают. Это так называемое **остенсивное** определение-описание, относящееся к классу *неявных*, когда содержание понятия раскрывается путём иллюстрации предмета («это есть гражданско-правовой договор»). Отметим, во многих учебниках по логике остенсивные определения вообще не относятся к классу дефиниций или относятся к классу *неявных* определений (*от лат. ostentus* – показывание, выставление напоказ). Эта точка зрения опирается на античные традиции, и в первую очередь на классификацию определений Аристотеля: «...кто каким-то образом объясняет нечто одним только именем, тот, ясно, вовсе не даёт определение предмета»¹. К неявным относятся **аксиоматические и контекстуальные** определения. **Аксиоматическое** – это неявное определение, в котором содержание понятия раскрывается системой аксиом, принимаемых без доказательств, в которой это понятие встречается. Например, понятия точки, прямой, параллельной определяются через аксиомы геометрии Евклида, в юриспруденции юридическое, физическое, должностное лица определяются через концепт «лицо» римского права. **Контекстуальное** определение строится на основании знания связи определяемого понятия с контекстом, в котором оно употребляется. Например,

в УПК РФ ночное время определяется как промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени или в УК РФ в ст. ст. 290 и 290¹ значительный размер взятки определяется эквивалентом денежного вознаграждения в сумме более 25 тыс. рублей.

От чисто логического определения следует отличать определения, взятые в широком смысле («Преступление есть общественно опасное деяние, запрещённое законом»), а также философские определения («Сущность закона – человеколюбие» (Шекспир), «Закон должен быть краток, чтобы его легко могли запомнить и люди» (Сенека), «Мораль – нравственный императив Канта»). По Гегелю, универсальные связи бытия и мышления, т. е. категории в состоянии определить только *диалектическая логика*: «Категории не способны быть определениями абсолютного»². Следует отметить: крылатые выражения, пословицы, поговорки, изречения древних и современных мыслителей определениями не являются. Не допускается смешивать определение со сходными операциями: **сравнением** (образное пояснение), **описанием** (перечисление признаков предмета), **характеристикой** (выделение лишь некоторых признаков предмета), **объяснением** (раскрытием сущности объекта путём выявления законов его функционирования и развития). Впрочем, этих операций вполне достаточно для определения единичных понятий.

В логической науке учение о дефинициях принято называть *топикой*. **Топика – это наука о правилах и приёмах построения определений**. Впервые теория определений была разработана в сочинении Аристотеля «Топика». Основную задачу *топики* Аристотель определил следующим образом: «Цель этого сочинения – найти способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие»³. Основа логичного мышления – правильное обращение с терминами (понятиями). Во всякой речи, устной и письменной, термины должны быть в ясной, а также желательно в общедоступной форме определены.

Для юристов данное положение в своё время было сформулировано основателем математической логики Г. Фреге: «Помимо выводов [доказательств – прим. В. Б. и С. М.], к деятельности математика относятся также определения. В большинстве наук последние совершенно не важны и имеют некоторое значение только в науке о праве, которая в некотором отношении близка математике, хотя предмет её исследования совершенно иной» [3, с. 95]. Действительно, юристы предпочитают точные и явные дефиниции юридических терминов. Особенно ярко это требование предъявляется к уголовному закону, в котором законодатель точно определяет преступные деяния. Итак, определение, или дефиниция, есть краткая логическая операция, раскрывающая содержание понятия. Правильное

¹ Аристотель. Топика. Соч.: в 4 т. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1978. – С. 353.

² Гегель Г. Наука логики // Энциклопедия философских наук. – Т. 1. – Москва: Мысль, 1975. – С. 161.

³ Аристотель. Указ. соч. – С. 349.

обращение с терминами есть непереносимое условие для взаимопонимания и разрешения конфликтных ситуаций, а также коллизий внутри права, так как даже самая незначительная неточность в юридической дефиниции может оказаться для кого-то личной трагедией. Несмотря на значимость юридических дефиниций, к их топике российские учёные обратились сравнительно недавно, лишь в конце XX – начале XXI века (В. М. Баранов, А. К. Соболева, С. В. Лукашевич, Т. В. Кашанина и др.).

Как считает Т. В. Кашанина, в юридической технике различаются следующие виды определений: 1) законодательные (легальные); 2) вытекающие из судебной практики по аналогии; 3) доктринальные (предлагаемые каким-либо автором или школой права) [4, с. 182]; 4) полные, т. е. содержащие весь набор существенных признаков; 5) неполные [4, с. 184]. М. А. Нагорная добавляет 6) дефиниции-перечни или перечисление; 7) дефиниции-сравнения [5, с. 228].

Как мы видим, данная классификация весьма расплывчатая и не содержит каких-либо внутренних логических критериев. Есть ещё самая общая классификация, как нам представляется, не определений, а терминов: 1) общеупотребляемые; 2) специально-технические; 3) специально-юридические термины. Дефиниций здесь нет.

В учебнике по «Юридической технике» Т. В. Кашанина выделяет следующие правила юридических определений: 1) юридическая дефиниция должна отражать только существенные признаки обобщаемых явлений; 2) быть полной и отражать все обобщаемые явления; 3) быть адекватной, то есть иметь объём, совпадающий с определяемым понятием [4, с. 183]; 4) «одно понятие – одна дефиниция для всех кодексов», то есть это запрет множественного дефинирования одной и той же юридической категории; 5) юридическое определение должно отражать все в совокупности признаки дефинируемого понятия, то есть ни один значимый признак дефиниендума не должен выпасть из поля зрения законодателя (с данным положением трудно согласиться, ибо в подобном случае дефиниция превращается в «пересказ» или перечисление).

Не вдаваясь в подробный анализ юридической топики, в качестве обобщающего подхода приведем принципы юридических определений, выделенные в краткой форме В. Ю. Тураниным: правовая безупречность, адекватность отражения сути понятия (термина), системность, краткость формы и полнота содержания, логичность, лингвистическая грамотность [6, с. 430].

К сожалению, юристы-теоретики и практики в настоящее время пока не смогли отработать методологические подходы, как они говорят, к «дефинированию». Более того, для юристов «дефинирование», скорее всего, термин (понятие), должным образом отражающий предметное явление в юридической материи (не случайно материалистический метод ими выделяется по-прежнему в первом ряду), а не процедура (дефиниция), выражающаяся в логико-лингвисти-

ческой терминологии. В связи с этим приведём общеизвестную логическую схему определения, как напоминание о логической процедуре в технике определений: $Dfd \equiv Dfn$, где дефиниендум (Dfd) – то, что определяется (определяемое), дефиниенс (Dfn) – определяющее или род и вид ($A = Bc$), или $Df(aB(a))$.

По логическому строению они делятся на явные ($Dfd = Dfn$) и неявные ($Dfd \neq Dfn$). Родовидовое или классическое определение относится, например, к явным определениям. В явных определениях чётко выражена структура: дефиниендум – логическая связка – дефиниенс. Неявное – определение, не имеющее формы равенства определяемого (Dfd) понятия и определяющего (Dfn). К неявным определениям относятся контекстуальное, аксиоматическое и другие виды определений (сравнение, перечисление, пересказ). Кроме того, в учебниках по юридической технике, к сожалению, в лучшем случае, на самом поверхностном уровне рассматриваются правила юридического «дефинирования», теория родовидовых определений Аристотеля в комментариях Порфирия совершенно не используется, логико-лингвистические приёмы лишь упоминаются, но не внедряются, тем более денотация и коннотация.

Описание исследования

Предлагаем рассмотреть логико-лингвистическую операцию определения на примере дефиниции «коррупция» из Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

В своём исследовании мы будем опираться на статью А. А. Арямова, Е. О. Руевой «Формулирование юридических дефиниций» [7, с. 90–100], а также на авторское учебно-методическое пособие «Определение понятий. Топика определений юридических терминов» [8] и на понятийно-категориальные и методологические инструменты, разработанные в наших предыдущих публикациях⁴ [11, с. 5–7].

Итак, в п. 1 ст. 1 ФЗ № 273 «О противодействии коррупции» даётся следующее легальное определение коррупции: «а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица». Прежде всего, любое определение должно обладать чёткой логико-семантической структурой всех его элементов.

⁴ Марков С. М. Лекции по логике для юристов: учебное пособие. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2012. – 331 с.; Марков С. М. Логика. Курс лекций. – Москва: Инфра-М, 2017. – 331 с.

В данном определении выделим родовое понятие (классификатор) и видовое (идентификатор). Идентификатор – «злоупотребление служебным положением [должностным лицом – *прим. В. Б. и С. М.*], дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения». Классификатор как бы предполагается, но чётко не выражен – общественно опасное и наказуемое данным законом деяние. С точки зрения логики, это определение структурное и аксиоматическое⁵. В качестве аксиомы в денотате и десигнате используется юридический термин «лицо» или «должностное лицо, злоупотребляющее служебными полномочиями» (В), семантические признаки которого раскрываются в примечаниях (комментариях) к УК и КоАП России. Все структурные, в том числе юридические определения, строятся по аналогии с теоремами Пеано, в первую очередь с теоремой натурального ряда чисел: $P(1) \ \& \ \forall n (P(n) \rightarrow P(Sn))$, то $\forall n P(n)$, где $P(n)$ – одноместный унарный предикатор «В» или исходный базис в Dfn.

В логике высказываний и предикатов индуктивная экспликация, основанная на применимости предикатора («В») ко всем бесконечно взятым диспозициям, достоверна лишь в том случае, если в Dfn перечислены все виды этого преступления («коррупция»). Однако совершенный перечень (N) диспозиций в любой статье в принципе невозможен (кратность денотата и десигната всегда будет с остатками), в результате из данного положения вытекают парадоксы натурального ряда «коррупции».

Если в качестве десигнатов данной дефиниции взять все виды коррупции (получение, дача взятки, посредничество, покушение, присвоение или растрата, служебный подкуп и etc), то их квалификация по составу преступления будет распределяться по всему Уголовному кодексу с его примечаниями, дополнительным разъяснениями Верховного Суда РФ. Как говорят юристы, в таком случае применяется системный подход, точнее – материалистический. В результате мы получаем «замкнутый порочный круг» натурального ряда коррупции.

Для сравнения приведём определение коррупции из юридического словаря О. Е. Кутафина. «Коррупция (от лат. – corruption) – использование [злоупотребление – *прим. В. Б. и С. М.*] должностным лицом прав, связанных с его должностью, в целях личного обогащения⁶. С точки зрения логики, это сущностное [родовидовое] определение, в котором в качестве референта выступает концепт «коррупция», а *per se* – «должностное лицо»⁷.

В Конвенции ООН против коррупции (Нью-Йорк, 2003) или UNCAC определение

коррупции даётся в самом широком смысле, при этом в преамбуле оговаривается, что это правонарушение является не локальным, а транснациональным социально-экономическим и политическим явлением. Под коррупцией («основным правонарушением») в UNCAC понимается любое незаконное приобретение личного состояния, в результате которого были получены доходы, указанные в ст. 23 данной конвенции. Итак, в международном праве дефиниция коррупции – сущностная, выраженная в классическом родовидовом определении по правилам аристотелевской логики.

В российском определении основного правонарушения ФЗ № 273 просто перечисляется состав преступления со ссылкой на соответствующие статьи УК РФ, в Конвенции UNCAC он раскрывается в отдельных статьях. Например, ст. 19 – злоупотребление служебным положением, ст. 17 – участие в покушении и т. д. Российский законодатель, скорее всего, стремился соблюсти в одной дефиниции весь количественный объём, совпадающий с определяемым понятием синоптическим методом, референтом которого является транснациональное социально-экономическое и политическое явление или все в совокупности признаки дефинируемого понятия. В результате юридический анализ коррупции только в Уголовном кодексе распространяется на 15 статей, не считая разъяснений (коннотаций) её парадоксов, иногда антиномий Верховным Судом РФ. Из российской дефиниции ФЗ-273 следует, что главным её предметом является дача и получение взятки, подкуп, злоупотребление служебным положением физическим лицом (для сравнения в UNCAC – должностным лицом), вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде имущественного характера, если они входят в его служебные полномочия.

В результате, как верно заметили А. А. Арямов, Е. О. Ружева, предмет (референт) коррупции трактуется сугубо материально (ст. 160, 204, 290, 291, 291¹, 304 УК РФ) – деньги, ценные бумаги, иное имущество или выгода, а в Международном праве – любое вознаграждение и незаконное обогащение трактуется как «любые активы (материальные или нематериальные)» [7, с. 93]. В российском законодательстве коррупция есть совершенное, т. е. оконченное преступление (исчисляется с момента передачи незаконного вознаграждения), в противном случае квалифицируется как покушение на взятку (ст. 30 УК РФ). В UNCAC – покушение (ст. 27 Конвенции ООН), а также участие, сокрытие покушения (ст. 24) рассматриваются внутри документа. Довольно часто в российском законодательстве коррупция отождествляется со взяткой (слишком узкое определение).

В России взятка – имущественное вознаграждение (деньги, ценные бумаги, акции, иные имущественные материальные блага и etc.), в международном праве – любое незаконное вознаграждение: «просьба, предложение, дача или принятие, прямо или косвенно, взят-

⁵ Марков С. М. Логика. – С. 119–120.

⁶ Юридический энциклопедический словарь / под ред. О. Е. Кутафина. – Москва: БРЭ, 2002. – С. 228.

⁷ Марков С. М. Лекции по логике для юристов. – С. 119–120.

ки или другого ненадлежащего имущества или обещания такового....» (ETS № 174; Страсбург, 1999: ст. 2). Другими словами, в ФЗ № 273 получилось «слишком узкое определение», выражаясь языком синоптики, указаны не все параметры коррупции. Поэтому к ФЗ-273 добавляется контекст к десигнатам «коррупции» из перечня статей Уголовного кодекса в форме новых десигнатов «взятка», «покровительство», «попустительство», «халатность», «служебный подлог», «превышение служебных полномочий» и иных незаконных действий (бездействий). Из-за этого в составе элементы десигната становятся в очередь натурального ряда коррупции, иногда излишними или взаимозаменяемыми (операции с классами).

Ещё один неопределённый термин в ФЗ № 273 – «физическое лицо должностного положения», или «должностное лицо». При этом термин «лицо» (в римском праве – *persona*) в юриспруденции – описательно-аксиоматический (физическое, юридическое, должностные лица), его десигнатом являются «правоспособность» и «правосубъектность», в коннотации используется в качестве «ase». В UNCAC «ase – публичное должностное лицо», при этом в Конвенции ООН чётко и подробно комментируется этот термин (в ст. 2 пункты «а» – «с», основное внимание уделяется в подпунктах «а»). Кроме того ст. 8 UNCAC основательно излагает «Кодекс поведения публичного должностного лица».

Российским законодателям пришлось сослаться, как справедливо заметили А. А. Арямов и Е. О. Руева, на п. 1 ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», где «злоупотребление должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности...» В самой статье и её комментариях отсутствует дефиниция «должностного лица» (далее – д/л), но понимается оно здесь как «*perse*». С точки зрения логики, уголовное право *a priori* определяет её денотат через «физическое лицо» как представителя власти через примечание к ст. 318 УК РФ. При этом УК РФ не предоставляет расшифровки термина «лицо», который в уголовном праве по умолчанию рассматривается как «физическое лицо» или как аксиоматическое определение, раскрывающее своё содержание (денотат) через коннотацию.

Коннотация понятия д/л расшифровывается в Примечаниях к статье 285 в редакциях от 24 февраля 2021 г. № 16-ФЗ, уточнений Пленума Верховного Суда России № 59 от 24 декабря 2019 г., касающихся п. 1 ст. 285 УК РФ и др., в которых даются легальные коннотации д/л, лица, занимающего государственные должности и муниципальных служащих.

Расшифровка д/л в Уголовном кодексе точь-в-точь повторяет Примечания к ст. 2.4 КоАП России («Одно понятие – одно определение для всех кодексов»), поэтому логический анализ (денотацию) мы объединим, акцентируя внимание на то, что в данном случае дефиниен-

дум раскрывается через примечания к статьям, которые, как известно, в Гражданском кодексе отсутствуют. Итак, российский ФЗ № 273 в методологическом плане расшифровывает понятие «коррупция» в УК, КоАП, ГК, тем самым законодатель в денотации указывает на межотраслевые правовые связи. В частности, как отмечают А. А. Арямов и Е. О. Руева, учтены ст. 204, 285, 290 УК РФ, а так же, как нам представляется, в ст. 290–292, где перечисляются виды имущественных выгод к имущественным правам и злоупотребление должностными полномочиями [7, с. 91–93]. Иными словами, с логической точки зрения уголовное право взяло курс на перечень всех видов злоупотребления служебным положением в целях личного обогащения: от взятки до служебного подлога. Для сравнения: в UNCAC урегулированию споров посвящена отдельная статья 66.

В результате мы получили «порочный замкнутый круг» коррупционного деяния, при этом с обязательным прямым (с философской точки зрения – осознаваемым). В итоге получился новый референт «коррупции» с взяткой в качестве универсального понятия. Допустим, если взятку взял экс-чиновник, в настоящее время не владеющий должностными полномочиями, то он просто – мошенник, но не взяточник. Хотелось бы, чтобы в ФЗ-273 появилась по аналогии с UNCAC отдельная глава «Урегулирование споров».

Российский закон «О противодействии коррупции» в трактовке «должностного лица», кроме того, отсылает к ст. 2.4 КоАП РФ, в которой, как считают юристы, данное понятие более полное и безупречное. В самом общем плане под д/л КоАП понимает лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, выполняющее организационно-распорядительные или административные функции (денотат) <...>. Далее следует перечень всех организаций и социальных институтов, в том числе военных, арбитражных, аудиторских, муниципальных (десигнат). В денотат дефиниции были включены, по возможности перечислены, все виды правоспособности и правосубъектности д/л с контекстуальной отсылкой к соответствующим статьям административных правонарушений настоящего кодекса. При этом в тексте термин «лицо» употребляется 20 раз, в том числе «должностное лицо» – 8, «физическое лицо» – 2 раза. В целом в коннотациях УК и КоАП бросаются в глаза синоптический метод, предметная аналогия и сходство, что приводит их комментарий к бесконечному «порочному кругу» (тавтологичности). В данной сигнификации недостаёт требований законов тождества и достаточного основания. В методологическом аспекте КоАП РФ повторил трактовку д/л КоАП РСФСР 1984 года. Другими словами, как говорил Сенека, «закон должен быть краток».

Если разбирать Dfd и Dfn (референт – денотат – десигнат) по правилам формальной и деонтической логики⁸, то, выражаясь сло-

вами юридической техники и топики, вместо дефиниции «д/л» в КоАП РФ предлагается контекстуальное описание (перечень) административных правонарушений, касающихся всех лиц (person) или представителей власти, осуществляющих законодательную, исполнительную или судебную власть, а также лиц, наделённых, временно или постоянно, распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями [люди–вещи], в том числе в выборных органах власти и местного самоуправления.

В данном «описании» д/л не соблюдаются элементарные законы формальной идеонтической логики дефиниций, даже Указ Петра I: «Надлежит законы и указы писать явно...». В Примечаниях 1 ст. 285 УК РФ под «должностным лицом» понимаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти <...>, или д/л – есть представитель власти. В Международном праве, для сравнения, – «публичное должностное лицо». Если кратко, ст. 2.4 КоАП РФ не предоставляет оснований для денотации термина «д/л», в философско-методологическом ракурсе – КоАП РФ повторил методы административного права 1984 года, а также Основы гражданского законодательства СССР 1961 г. (ст. 127), и не смог разрешить антиномии в отношении «лица» (persona), сформулированные в своё время русскими юристами Л. Н. Дювернуа, Г. Ф. Шершеневичем, Е. Н. Трубецким.

Таким образом, КоАП России не в полной мере даёт логически корректную дефиницию д/л (данное в законе определение неявное – описание–перечень, «слишком узкое», громадное по объёму, туманное (расплывчатое) по содержанию), ко всему прочему, выведенную в примечаниях к статье. Итак, логико-семантический анализ показывает, что понятие «должностное лицо» в ФЗ «О противодействии коррупции» превращается в эквивокацию Бозция, даже более.

Вариативность (эквивокация) данного гипотезиса ещё более усиливается, если к ней добавить коннотацию д/л из современного российского гражданского права. Справедливости ради следует отметить, что для полноты логико-лингвистического анализа в ГК РФ отсутствуют примечания к его многочисленным статьям. Увы, это традиция. Несмотря на то, что рассматриваемый термин вводится в советское законодательство ещё в 1922 году (вспоминается статья В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше» 1923 года о госаппарате), его логически корректная формулировка в настоящее время в гражданском праве отсутствует, видимо, потому, что в цивилистике д/л не является субъектом гражданских правоотношений. Тем не менее, ответственность за вред, причинённый д/л, предусматривается ст. 16, 16.1, 1069 ГК РФ. В конвенциональном контексте в гражданском праве под д/л понимается «представитель власти» по аналогии с примечаниями к ст. 285, 318 УК РФ и 2.4 КоАП РФ.

Другими словами, ФЗ «О противодействии коррупции» не даёт однозначной трактовки терминов «коррупция» и «должностное лицо», а отсылка к главам 23 «Преступления против интересов службы etc.», 30 УК РФ «Преступления против государственной власти etc.», аналогия (больше схожая здесь с синектикой) с примечаниями к ст. 2.4 КоАП РФ лишь усиливают вариативность главного субъекта преступления. Вместе с тем в статьях 285, 286, 290, 290¹, 292 УК РФ должностное лицо – главный субъект с особыми должностными полномочиями. Так, через субъект комментируется субъективная сторона – виновность, прямой умысел, а также мотив (корыстная или личная заинтересованность), имущественная или неимущественная выгода. Тем самым неявное определение «д/л» вызывает проблемы в логическом анализе состава данного преступления.

К сожалению, ограниченный объём времени и требования к публикации не позволяют в одной статье произвести всесторонний логико-социологический анализ транснационального феномена коррупции и её дефиниции. Впрочем, даже данная коннотация позволяет констатировать, что принципы юридической дефиниции, изложенные В. Ю. Туралиным о правовой их безупречности в отношении «коррупции» в законе «О противодействии коррупции», не соблюдены. Возможно, для восполнения пробела российским депутатам необходимо учесть международный опыт противодействия коррупции и его конвенциональное оформление.

Заключение

Ссылаясь на Т. В. Кашанину, авторы статьи отмечают, что дефиниция – это краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные (качественные) признаки явления, предмета [7, с. 91]. В итоге логико-социологического, правда, в основном юридического анализа законодательной дефиниции А. А. Арямов и Е. О. Ружева предлагают своё определение коррупции.

«Коррупция – умышленные просьба, предложение, дача, сохранение или принятие, прямо или косвенно, взятки или другого ненадлежащего преимущества или обещание такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности должностного лица, или поведение, требуемое от получателя взятки ненадлежащего преимущества, или обещания такового» [7, с. 94].

Как нам представляется, в данной дефиниции учитывается международный опыт законодательной антикоррупционной деятельности, а коррупция квалифицируется как преступное социально-правовое деяние, обусловленное природой должностных преступлений, находящихся в конфликте с интересами общества и государства, сутью которых выступает явный корыстный мотив в личном обогащении (материальном и нематериальном) за счёт использования своего служебного положения (полномочий) в корыстных целях. С логической точки

⁸ Марков С. М. Лекции по логике для юристов. – С. 177–178, 125–130.

зрения данное определение строится по правилам Аристотеля и Порфирия (лишь родовидовое определение может выразить сущность и её виды).

Знание всех уровней сигнификации референта позволяет соблюдать все требования логики или, как говорят юристы, принципы, в процедуре дефиниции, главное – создавать явные и классические определения в законах, чтобы их не комментировать с коварством и злым умыслом [10, с. 39].

Благодарности

Авторы выражают благодарность за рекомендации и консультации по юридическим аспектам темы:

Кулыгину Владимиру Владимировичу – доктору юридических наук, профессору (Хабаровск, Россия);

Белому Николаю Андреевичу – кандидату юридических наук, доценту (Кишинёв, Молдова);

Утямишеву Анфицу Булатовичу – кандидату юридических наук, доценту (Хабаровск, Россия).

Список литературы

1. Олейников В. С., Джегутанов Б. К., Балахонский В. В. Философия права и правосознания : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2009. – 231 с.
2. Балахонский В. В. Философские проблемы методологии права // Философия права. – 2011. – № 5 (48). – С. 5–19.
3. Фреге Г. Логика в математике / Избранные работы / сост. В. В. Анашвили и А. Л. Никифорова. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 1997. – С. 95–154.
4. Кашанина Т. В. Юридическая техника. – Москва: Норма: Инфра-М, 2011. – 496 с.
5. Нагорная М. А. Техника определения законодательных терминов / Законодательная техника современной России: сборник статей / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001. – С. 220–233.
6. Туранин В. Ю. Принципы законодательных дефиниций / Судебная реформа в России: преемственность и модернизация: сб. статей / гл. ред. Е. Е. Тонков. – Белгород: НИУ БелГУ, 2014. – С. 430–434.
7. Арямов А. А., Руева Е. О. Формулирование юридических дефиниций (на примере антикоррупционного законодательства РФ) // LexRussica. – 2017. – № 8 (129). – С. 90–100.
8. Марков С. М. Определение понятий. Топика определений юридических терминов. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 1998. – 24 с.
9. Балахонский В. В. Соотношение понятий «право» и «преступление» в философско-правовом дискурсе // Юрист-Правовед. – 2011. – № 5 (48). – С. 5–7.
10. Свиридкина Е. В. Справедливость как ценность в культурно-цивилизационном коде России // Культурное наследие России. – 2018. – № 2. – С. 35–41.

References

1. Oleynikov V. S., Dzhegutnov B. K., Balakhonskiy V. V. Filosofiya prava i pravosoznaniya: monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2009. – 231 s.
2. Balakhonskiy V. V. Filosofskiy problemi metodologii prava // Filosofiya prava. – 2011. – № 5 (48). – S. 5–19.
3. Frege G. Logika v matematike / Izbrannyye raboty / sost. V. V. Anashvili i A. L. Nikiforova. – Moskva: Dom intellektual'noy knigi, 1997. – S. 95–154.
4. Kashanina T. V. Yuridicheskaya tekhnika. – Moskva: Norma: Infra-M, 2011. – 496 s.
5. Nagornaya M. A. Tekhnika opredeleniya zakonodatel'nykh terminov / Zakonodatel'naya tekhnika sovremennoy Rossii: sbornik statey / pod red. V. M. Baranova. – N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2001. – S. 220–233.
6. Turanin V. Yu. Printsipy zakonodatel'nykh definitsiy / Sudebnaya reforma v Rossii: preymstvennost' i modernizatsiya: sb. statey / gl. red. Ye. Ye. Tonkov. – Belgorod: NIU BelGU, 2014. – S. 430–434.
7. Aryamov A. A., Ruyeva Ye. O. Formulirovaniye yuridicheskikh definitsiy (na primere antikorrupsionnogo zakonodatel'stva RF) // LexRussica. – 2017. – № 8 (129). – S. 90–100.
8. Markov S. M. Opredeleniye ponyatiy. Topika opredeleniy yuridicheskikh terminov. – Khabarovsk: RITS KHGAEP, 1998. – 24 s.
9. Balakhonskiy V. V. Sootnosheniye ponyatiy «pravo» i «prestupleniye» v filosofsko-pravovom diskurse // Yurist»-Pravoved». – 2011. – № 5 (48). – S. 5–7.
10. Sviridkina Ye. V. Spravedlivost' kak tsennost' v kul'turno-tsivilizatsionnom kode Rossii // Kul'turnoye naslediyе Rossii. – 2018. – № 2. – S. 35–41.

Статья поступила в редакцию 07.07.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 22.11.2021.

The article was submitted July 07, 2021; approved after reviewing October 29, 2021; accepted for publication November 22, 2021.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.